

Зинаида Какбаевна Сабитова
(Хельсинки, Финляндия – Алматы, Казахстан)

ЧЕЛОВЕК В ЯЗЫКЕ:
СПОСОБЫ ВЖИВАНИЯ В КУЛЬТУРУ И ЯЗЫК

Abstract: The article researches the following questions: a person as the point of departure in the analysis of units of Russian language, «traces of presence» of speaker in a language, the opposition «own – alien» in Russian language, ethnic and autostereotypes, heterostereotypes.

Keywords: anthropocentrism, person in a language, «own – alien» in a language, ethnic autostereotypes, heterostereotypes.

Лингвистика последних лет поставила в центр своего внимания человека говорящего, тем самым возвратив хозяина-человека как главное действующее лицо в мире и языке в лингвистику на подобающее ему место (Золотова 2001: 107, 108).

Принцип исследования, который заключается в том, что научные объекты изучаются «прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования» (Кубрякова 2009: 54), называется антропоцентризмом. Антропоцентрическая парадигма дала современному лингвистическому сообществу такую модель постановки проблем и их решений, которая обнаруживается в том, что человек становится «точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективу и конечные цели» (Кубрякова 2009: 55).

Многочисленные исследования последних лет доказывают антропоцентричность, антропоморфность языка. Большая часть лексики языка описывает внутренний мир человека, восприятие внешнего мира, различные виды его деятельности, отношения с другими людьми и действительностью, оценку событий и др. «Для многих языковых значений представление о человеке выступает в качестве естественной с точки зрения отсчета» (Апресян 1986: 31), в языке получает многомерное отражение то, что это в жизни человека играет существенную роль. В таком случае говорят о номинативной плотности той или иной тематической группы слов, детализации наименования, выделении смысловых оттенков как сигналов лингвистической ценности внеязыкового объекта (Карасик 2002: 116).

Среди концептуальных метафор, являющихся важным средством познания человеком мира, инструментом организации его опыта и структурирования знаний и поэтому пронизывающих повседневную жизнь, язык, мышление и деятельность человека, базовыми являются те,

которые возникли в результате проекции качеств человека на окружающий мир, интерпретации предметов в терминах человеческих мотиваций, характеристики и деятельности, напр.: *Жизнь обманула меня; Доллар был уничтожен инфляцией; Любовь создает иллюзии* (Джонсон – Лакофф 2008: 54, 59).

Антропоориентированными являются коды культуры как система координат, при помощи которых человек категоризирует мир и оценивает его. В соматическом (телесном) коде присутствие человека обнаруживается в единицах, называющих части тела человека: *влюбиться по уши, отдам в хорошие руки, сломя голову*; в пространственном: *под боком, из-под (самого) носа, с головы до пят, куда ноги несут, насколько глаз хватает, бок о бок*; временном коде культуры: *на носу (морозы), за плечами (большой опыт)*.

Исходя из того, что язык является для человека «домом бытия» (М.Хайдеггер), его неотъемлемой частью, жизнью, формой существования, то, что делает его человеком, можно заключить, что нет ни одного предложения, текста, в котором не было бы никаких следов говорящего. «В мире существует только человек с языком, человек, говорящий с другим человеком, и язык, таким образом, необходимо принадлежит самому определению человека» (Бенвенист 1974: 293). Значит, нет ни одного предложения, в котором бы не выражалась позиция говорящего.

Функционирование языковых единиц в речи относительно говорящего изучается в прагматике. Языковые значения насковзь прагматичны, связаны с человеком, «значение антропоцентрично, т.е. отражает общие свойства человеческой природы; более того, оно этноцентрично, т.е. ориентировано на данный этнос, нельзя на естественном языке описать «мир как он есть»: язык изначально задает своим носителям определенную картину мира, причем каждый свою» (Вежицкая 1997:5-6). Таким образом, языковые единицы являются субъективными, антропоцентричными и этноцентричными, поскольку языковое значение – это «интерпретация мира человеком» (Е.В. Падучева) (Вежицкая 1997:6).

Создавая предложение, человек выражает в нем свою позицию, мнение, отношение к высказанному. Языковые единицы, в которых содержится отсылка к говорящему, называются эгоцентрическими (Б.Рассел).

Предложения *Остался всего час* и *Остался целый час* различаются позицией говорящего к содержанию высказывания, которое передается словами *всего, целый*: *всего* «только, не более чем, очень мало» (≈ «времени очень мало»), *целый* «чрезмерный срок, очень много» (≈ «времени еще много, достаточно»).

Совершенно очевидны различия в содержании предложений, описывающих одну и ту же ситуацию, но различающихся ее языковым освещением, отражающим точку зрения говорящего.

В предложениях *Вера встретила с каким-то журналистом*; *Вера встретила с каким-то там журналистом*; *Вера встретится с каким-нибудь журналистом*; *Вера встретила с одним журналистом* позиция говорящего выражается при помощи неопределенных местоимений и частиц. В первом предложении сообщается о встрече Веры с неизвестным для говорящего журналистом (*каким-то*), во втором содержится отрицательная оценка журналиста (*какого-то там*), которого говорящий не хочет описывать, поскольку это, с его точки зрения, не заслуживает внимания. В третьем предложении речь идет о встрече Веры с неизвестным журналистом (*каким-нибудь*), выбор которого не осуществлен, в пятом – о встрече Веры с журналистом (*одним*), который известен говорящему, но о котором он не считает необходимым сообщать подробности.

Ср. также: выбор безличной формы представления действительности, которая выражает жизненное кредо: *О мое «не хочется» разбивается всякий наскок. Я почти лишен страстей. «Хочется» мне очень редко. Но мое «не хочется» есть истинная страсть. От этого я так мало замешан, «соучаствую» миру* (В. Розанов) (Яковлева 1997). Ср. личное и безличное предложения: *Я хочу работать – Мне не хочется работать; Я не работаю – Мне не работается.*

Национальная культура представляет собой наиболее оптимальный способ вживания в окружающую среду (Уфимцева 2000: 207-208), исторически выработанную «систему, технику и инструментарий любви, объятий народом Природины» (Гачев 1988: 49). Именно так этнос адаптируется к окружающему миру, так задается система координат, в которой будет действовать в мире представитель той или иной национальной культуры, формируется образ мира, который является «основополагающей компонентой культуры этноса» (Лурье 1997: 221). Этим объясняется то, что, сталкиваясь с чужими для нас культурными предметами, не характерными для нашего образа мира, мы недоумеваем, так как это не вписывается в систему координат родной культуры.

В связи с этим приведем мнение журналиста В. Овчинникова: «Если мы привыкли делать что-то именно так, другие предпочитают делать это совершенно иначе. Сталкиваясь за рубежом с чем-то необычным и непривычным, мы подчас превратно судим о нем из-за инстинктивной склонности мерить все на свой аршин. Мораль сказанного исчерпывающе выражена в четверостишии:

Лошадь сказала, увидев верблюда:

«Какая нелепая лошадь-ублюдок!»

Верблюд подумал: «Лошадь разве ты?

Ты же просто верблюд недоразвитый...».

Чтобы понять незнакомую страну, важно преодолеть привычку подходить к другому народу со своими мерками (Овчинников 1979), ср.: *Кони снятся верблюдам горбатыми.*

Весь мир делится на своих, объединенных языком, культурой, верой, землей, и на чужих – носителей другой культуры, языка, веры, пришельцев из других стран (Колесов 2000: 64-65). В любой культуре оппозиция «мы – они», «свой – чужой» является основанием того, что «этнический образ бытует в двух вариантах: как интраобраз (представления о членах своего этноса) и как экстраобраз (представления о нечленах своего этноса)» (Горюнова 1995: 36).

О свойстве людей группироваться так, чтобы можно было противопоставить себя и «своих» остальному миру, подчеркивает Л.Н.Гумилев. Это противопоставление «мы – они» характерно для всех эпох и стран: эллины и варвары, арабы-мусульмане и «неверные», европейцы-католики в Средние века и нечестивые, в том числе греки и русские, «православные» и «нехристи», включая католиков и т.д. (Гумилев 2006: 40).

Естественность собственной культуры приводит к тому, что каждый человек воспринимает родную культуру как нечто нормальное и считает ее критерием для оценки людей других культур, центром мира, причем нередко наилучшим вариантом в мире. Эго- и этноцентричность представителя любой лингвокультуры наглядно демонстрируется следующими примерами.

Славяне называли соседние племена словом *языци*, так как они говорили на другом языке, не по-славянски. Этноним *славяне* произошел от *слово*, первоначально он имел значение «ясно, понятно говорящий» (в противоположность немцу) (Фасмер 1987: 664-666). Слово *немец* образовано от слова *немой* «человек, говорящий неясно, непонятно; иностранец», для русского человека – это немой, не умеющий говорить, не знающий русского языка. В древнерусском языке слово *нѣмьць* употреблялось в значении «человек, говорящий неясно, непонятно, иностранец»; *нѣмьчинь* «немец, любой иностранец» (Фасмер 1987: 62). Подтверждением этому служат языковые свидетельства: диал. вятск. *говорить немо* «невнятно говорить (о ребенке)», арханг. *немко* «немой», смол. *немчик* «мальш, ребенок, который еще не говорит», вятск. *немтырь, немтура* «косноязычный, заика».

В русском языке слова *чужеземец, иностранец* пришли на смену слову *немец* и переставили акцент с невладения языком на происхождение: из чужой земли, из иных стран (Тер-Минасова 2004: 24).

В теории межкультурной коммуникации употребляется термин *этноцентризм*, который предполагает ощущение нормальности, естественности своей культуры, языка, поведения. Каждый человек привык воспринимать свою культуру, язык как нечто само собой

разумеющееся, а порой и превосходящее остальное (Рот, Коптельцева 2006: 40, 43-44).

Слова, называющие своих: *соплеменник, родня, сосед, близкие, приятель, друг* и др., ассоциативно связаны с понятиями «родной, близкий, знакомый, понятный, приятный, угодный, добрый». Ср.: *старая добрая Англия, Великая / Святая Русь, Поднебесная / Срединная империя* (Китай), *Страна восходящего солнца* (Япония), *Страна утренней свежести* (Корея) и др.

Слова, называющие чужих: *неприятель, враг, противник, недоброжелатель, злорадец, странник, гость, чужак, иноплеменник, чужеплеменный, чужеродец* и др., – связаны с понятиями «незнакомый, необычный, непонятный, странный, чудный, пугающий, враждебный, неприятный, далекий, пришлый». Ср. у В.И. Даля: *чужой* «не свой, сторонний, незнаемый, незнакомый; не родня, не нашей семьи, не из нашего дома; не нашей земли, иноземный» (Даль 1999: IV, 613).

Слово *чужой* в русском языке расширило круг своих значений под влиянием старославянского слова *чуждый* и, помимо своих значений («чужеземный, незнакомый, неродной, принадлежащий другому»), приобрело значения «непричастный к чему-нибудь, далекий от чего-нибудь», «лишенный чего-нибудь», «несвойственный, не подобающий», «неприятный, отвратительный» (Виноградов 1999: 819).

В древности чужое, неведомое, страшное воспринималось как приходящее с войной со стороны, поэтому выстраивался понятийный ряд: чуждый народ – чужое войско – чужеземцы (Колесов 2000: 64–65).

С целью определения ассоциативного и семантического поля слов, релевантных для сферы «своего» и «чужого» современного русского культурно-языкового сознания, В. Жданова провела ассоциативный эксперимент, в результате описала культурно-языковые представления русских о родине и чужбине (Жданова 2006).

Ассоциативное и когнитивное содержание *чужбины* построено на противопоставлении *родине*: «чужбина – это не-родина, чужбина начинается там, где родина кончается». Ассоциации к этому слову представляют эмоциональное состояние человека за пределами *своего* пространства: *чужбина* → *одиночество, тоска, по родине, скука, печаль, кручина, ужас, горе*. Сама чужбина рисуется как *злая, горькая, серая, безразличная*, где холодно (*зима, холод*), *плохо* (Жданова 2006: 29–30).

Интересным в этом отношении являются слова *сторона, страна* и их производные. Слово *сторона* имеет значения: «направление; часть целого, пространство, местность вне чего-либо, внешнее, наружное, от середины удаленное; бок, край, грань; край, область, местность, округа, страна». В рассматриваемом аспекте важными представляются семы «вне чего-либо, внешнее, наружное, от середины удаленное»: то, что находится в стороне, – чужое. В.И. Даль приводит одно из значений

слова: «все, что не мы и что не дома; третьи, сторонние люди» (Даль 1999: III, 331).

Ср. выражения: *в стороне от кого, чего* «в отдалении, на расстоянии от кого-нибудь, чего-нибудь»; *на стороне* «не у себя, в другом месте»; *на сторону* «в другое место»; *со стороны* «не из данного места» (*человек со стороны* «чужой, посторонний»); *быть в стороне*; *гулять на стороне*; *казаться со стороны*; *обходить стороной*, а также: *Он чужд этому делу*; *Человек, чуждый всяких происков* («далекий, непричастный, сторонний») (Даль 1999: IV, 613).

Производные от этого слова имеют в своем значении сему «чужой»: *сторонний, посторонний*, ср. диалектные слова: *сторонник* «нелюдим, кто бегает от людей, дичится»; *сторонник* «странник, пришелец, захожий» (Даль 1999: III, 331).

Прослеживается следующая семантическая эволюция слова *странный* «сторонний, посторонний, нездешний, чужой, иноземный» > *странный* (*странник*) «прохожий, путник» > *странный* «чудный, необычайный, необыкновенный, особенный». Развитие значений «чужой» > «необычный, чудный» > «ненормальный» > «чушь» отмечается в слове *странь*: *странь* «чужой человек» – *странь* «чудак, нелюдим» – *странь* «малоумный, дурак» – *странь* «чушь, чепуха, бессмыслица, вздор» (Даль 1999: III, 335). В.И. Даль у слова *чуждый* отмечает значение «чему чуждаются или дивятся, странный, непонятный, удивительный» (Даль 1999: IV, 613).

Семы «неизвестная, чужая» присутствуют и в значении слова *невеста*. Невесту так называли, потому что она еще неизвестная, неведомая, чужая для семьи и родственников жениха (*невеста* < *не* + *весть* «знать»). Став женой, она обладает иным статусом, включается в круг своих – родственников жениха. Первоначально это слово имело значение «неизвестная», ср.: в.-луж. *wěsty* «известный, определенный», *ńewěsty* «неизвестный», еще: рус. диал. *чужой, чуженин* «жених». М. Фасмер объясняет его этимологию как проявление речевого табу. Табуистическое название должно было защитить женщину, вступающую в чужой для нее дом, дом жениха, от злых духов; этим же объясняется и наличие у нее свадебного покрывала (Фасмер 1987: 54).

В тюркских языках невесту называют так: казах. *келін* (букв. «пришедшая»), узб. *келин*, турец. *gelin*, башк. *каләш*. В этом также подчеркивается чуждость, отдаленность (хотя уже и приближенную отдаленность) для семьи и родственников жениха.

В серии «Внимание: иностранцы!» выпускаются книги «Эти странные немцы», «Эти странные американцы», «Эти странные англичане», «Эти странные французы». Книжки в увлекательной и шуточной форме рассказывают о нравах и обычаях разных народов – странных с точки зрения других, знакомят с традициями и законами различных государств, советуют, как вести себя в той или иной стране.

Таким образом, для каждого свои язык и культура считаются нормой, а чужие – отклонением от нормы.

Языковая личность формируется через заложенное в языке видение мира, менталитет, отношение к людям, т.е. через культуру народа, пользующегося данным языком как средством общения (Тер-Минасова 2004: 35). Прямой параллели между языковой личностью и национальным характером провести нельзя. Личность человека не исчерпывается характером: в национальном характере проявляется ментальность, стереотипы поведения, эмоционально-волевые реакции и др. Говоря о национальном характере, лингвисты подразумевают «фрагмент языковой картины мира, реконструируемой на основе лингвистических данных и отраженных в культуре стереотипов» (Зализняк–Левонтина–Шмелев 2005: 65).

С национальным характером связаны определенные стереотипные представления, которые выражают национально-культурный прототип носителя той или иной лингвокультуры. Существуют этнические стереотипы – обобщенные представления о типичных чертах характера народа, среди которых различают автостереотипы (представления о себе) и гетеростереотипы (представления о других народах).

И.М. Кобозева предлагает экспериментальную методику выявления стереотипов национальных характеров русских, немцев, англичан и французов. Она обратилась к лексическим коннотациям, под которыми понимаются несущественные, но устойчивые признаки выражаемого лексемой понятия, воплощающие принятую в обществе оценку соответствующего предмета или факта и отражающие связанные со словом культурные представления и традиции. Не входя непосредственно в лексическое значение и не являясь следствиями из него, лексические коннотации объективно обнаруживают себя в языке, получают закрепление в переносных значениях, привычных метафорах, сравнениях, полусвободных сочетаниях, производных словах. Таким образом, задача выявления стереотипов национальных характеров сведена к определению коннотаций у этнонимов *русский, немец, француз, англичанин* (Кобозева 1995).

И.М. Кобозева обращается к специфическим диагностическим конструкциям *Он X, но он P*, объективирующим стереотипные представления о денотате лексемы X. При этом данные о типовых партнерах лексемы включаются в круг источников сведений о стереотипах сознания. Были проведены два теста: 1) Свободная интерпретация псевдотавтологий: информанту предлагается фраза типа *Немец есть немец*, ему нужно ответить на вопрос: «Если бы вы услышали, что кто-то сказал это, то что, по-вашему, он имел в виду?». 2) Заполнение пропуска в одной из диагностических конструкций: а) с производным от этнонима наречием (напр., *по-немецки*) типа *Он по-немецки ...*; б) со сравнительным оборотом типа *Как истинный француз*,

он ...; в) с союзом *но* типа *Он русский, но он...*. Инструкция информанту: «Заполните пропуск в следующем предложении, подставив любое выражение, обозначающее свойство характера».

Преимущество такого эксперимента перед ассоциативным, по мнению автора, заключается в том, что степень свободы ассоциаций сужается заданным контекстом, ограничивая индивидуальные, субъективные отклонения от ассоциативных норм.

Получены следующие результаты тестирования. Среди качеств, названных при интерпретации *Русский – это русский*, отмечаются положительные (*душевный человек, гостеприимный, с широкой душой, радушный, добрый, отзывчивый, бескорыстный, отважный, рубаха-парень, действует на авось*), отрицательные (*лентяй, невоспитанный*) и оценочно нейтральные (*любит поест*).

Анализ результатов второго теста о немцах привел к необходимости перейти на уровень семантических компонентов, так как на лексическом уровне та степень единообразия реакций, которую можно было бы считать свидетельством стереотипа сознания, не отмечается. Поэтому полученные слова были сведены в ряд с единым дескриптором, напр., реакции *аккуратен* (14), *чистоплотен* (3), *до тошноты аккуратен* (1), *опрятен* (2), *подтянут* (1), *собран* (1) сводятся в дескриптор АККУРАТНЫЙ, которому приписывается суммарная частота – 22, а реакции *педантичен* (8), *пунктуален* (7), *четок* (3), *точен* (3) – в дескриптор ПЕДАНТИЧНЫЙ (21) и т.д.

В результате *немец* в сознании носителей русского языка характеризуется такими дескрипторами: АККУРАТНЫЙ, ПЕДАНТИЧНЫЙ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ, ЭКОНОМНЫЙ, НЕИНТЕРЕСНЫЙ, ВЪЕДЛИВЫЙ, СДЕРЖАННЫЙ, УПОРНЫЙ, РАБОСПОСОБНЫЙ, РАСТОРОПНЫЙ, ВЫШКОЛЕННЫЙ, ВЕЖЛИВЫЙ, ДОБРОДУШНЫЙ, ОСТОРОЖНЫЙ.

Далее выявлялись общие для слов-дескрипторов семы. Так, для лексем *педантичный, аккуратный, исполнительный, вышколенный, вежливый* выделен интегральный компонент «соблюдающий нормы, действующий по правилам». Это является свидетельством того, что в русской ЯКМ основной чертой немецкого характера признается стремление во всем следовать правилам. Русский в сознании носителей русского языка характеризуется такими дескрипторами: БЕСШАБАШНЫЙ, ЩЕДРЫЙ, ЛЕНИВЫЙ, НЕОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ, ПРОСТОДУШНЫЙ, БЕСТОЛКОВЫЙ, НЕОРГАНИЗОВАННЫЙ, БЕСЦЕРЕМОННЫЙ, ШИРОКАЯ НАТУРА, ЛЮБИТ ВЫПИТЬ, ПРОЖОРЛИВЫЙ, ПОВЕРХНОСТНЫЙ, НЕ ЛЮБОПЫТНЫЙ, ПРИЯТНЫЙ.

И.М. Кобозева приходит к выводу о том, что множество стереотипов национального характера структурируется с помощью оппозиций. Так, *немец* противопоставлен *русскому* по параметру приверженности к порядку (ср. антонимичные реакции *аккуратен, чистоплотен, опрятен / неряшлив; подтянут, собран / разболтан, небрежен; обязателен / необязателен; вежлив / бесцеремонен*); *англичанин* противопоставит

русскому по параметру открытости в проявлении внутреннего состояния (ср. реакции дескриптора *сдержанный у англичанина* и реакции, связанные с *широтой натуры у русского*); *француз* противоположен *русскому* по его отношению к правде, ср. *лжив – простодушен*; *англичанин* и *француз* противопоставлены и по открытости и по общительности, ср. *малообщительный – болтливый*.

Р.С. Амренова, основываясь на методике выявления стереотипов национальных характеров И.М. Кобозевой, провела эксперимент, в результате которого выявила интраобраз казаха, которому присущи положительные (гостеприимство, щедрость, почитание памяти предков и национальных традиций, патриотизм, уважение к старшим и родственникам, почтительность, интернационализм, толерантность) и отрицательные (русифицированность (незнание родного языка), непунктуальность, подражание другим национальностям, лень и др.) черты. Экстраобраз казаха включает следующие качества: гостеприимство, почитание и верность традициям и обычаям, знание предков до седьмого колена, уважение к старшим и родственникам, кормилец и хозяин очага, уважение к культуре других народов, интернационализм, патриотизм и чувство долга перед Родиной и др. (Амренова 2004: 11).

Почти полное совпадение дескрипторов интраобраза и экстраобраза казаха позволило Р.С. Амреновой с полной уверенностью говорить о том, что получены стереотипы национального характера как определенной когнитивной структуры, включенной в языковое сознание респондентов (Амренова 2004: 13).

Таким образом, исходя из того, что язык существует не в обществе, а в каждом конкретном человеке, языки контактируют друг с другом тоже в каждом конкретном человеке (Э.Д. Сулейменова), при описании языковой личности, человека в языке исследователями во главу угла ставится вопрос о социально-исторической природе личности, а значит, о формирующей его культуре (исторической эпохе, общественно-исторических условиях, социальном пространстве, социокультурной жизни, культурных традициях народа и др.).

Литература

- Апресян, Ю.Д. (1995) Образ человека по данным языка: попытка системного описания // ВЯ, №1. С. 37-67.
- Апресян, Ю.Д. (1986) Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. М., Школа «Языки русской культуры», Вып. 28. С. 5-32.
- Вежбицкая, А. (1997) Язык. Культура. Познание / Пер. с англ. Отв. ред. М.А. Кронгауз. Москва, Русские словари.

- Виноградов, В.В. (1999) История слов / РАН. Отдел. литер. и языка. Москва.
- Гачев, Г. (1988) Национальные образы мира. Общие вопросы. Москва.
- Горюнова, О.А. (1995) Русский этнический образ: прямые и образные ассоциативные связи // Этническое и языковое самосознание. Москва.
- Гумилев, Л.Н. (2006) Этногенез и биосфера Земли. Москва, АСТ-Астрель.
- Даль, В.И. (1999) Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1-4. Москва.
- Джонсон, М. – Лакофф, Дж. (2008) Метафоры, которыми мы живем. Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. Москва, Изд-во ЛКИ.
- Жданова, В. (2006) Русская культурно-языковая модель пространства и особенности индивидуальной ориентации в ней // Русские и «русскость»: Лингво-культурологические этюды. Москва, Гнозис, С. 5-178.
- Зализняк, А.А. – Левонтина, И.Б. – Шмелев, А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. Москва, Языки славянских культур, 2005.
- Золотова, Г.А. (2001) Грамматика как наука о человеке // Русский язык в научном освещении. №1. С. 107-113.
- Каган, М.С. (1988) Мир общения: Проблемы межсубъектных отношений. Москва, Политиздат.
- Карасик, В.И. (2002) Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, Перемена.
- Кобозева, И.М. (1995) Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. №3. С.102-117.
- Колесов, В.В. (2000) Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб.
- Кубрякова, Е.С. (2009) Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Актуальные проблемы современной лингвистики. Москва, Флинта–Наука. С. 46-59.
- Лурье, С.В. (1997) Историческая этнология. Москва, Аспект Пресс.
- Овчинников, В. (1979) Корни дуба. Впечатления и размышления об Англии и англичанах // Новый мир. №4-6.
- Рот, Ю. – Коптельцева, Г. (2006) Межкультурная коммуникация. Теория и тренинг. Москва, ЮНИТИ-ДАНА.
- Тер-Минасова, С.Г. (2004) Язык и межкультурная коммуникация. Москва, Изд-во МГУ.
- Уфимцева, Н.В. (2007) Психолингвистика и межкультурная коммуникация // Мир русского слова и русское слово в мире. Т.4. Язык, сознание, личность. Sofia, Heron press. С. 609-615.
- Фасмер, М. (1987) Этимологический словарь русского языка: Пер. с нем. и дополн. О.Н. Трубачева. Т.3. Москва, Прогресс.
- Яковлева, Е.С. (1997) К описанию русской языковой картины мира // Синтаксис: изучение и преподавание. Москва. С. 4-27.